

Михаил Рабинович

Рассказы

Лодки

Мы подплыли к островку, где спали лягушки, медленно озирались по сторонам дикие черепахи, а еще был черный полиэтилен, натянутый на что-то полезное. С соседних лодок доносились чужие голоса. Три мальчика в красно-желтых спасательных жилетах – из хорошей, видимо, семьи – вежливо разговаривали между собой. Их мама стояла на дальнем берегу, смотрела и слушала. А мы провели эксперимент с веслом и черепахами. Если весло поднести к черепахе, то ничего не происходит, оказывается. Молчаливый дед катал молчаливую внучку в розовом платье. Она уже доставала ногами до дна лодки, гордилась. Потом появилась куча лодок с кричащими подростками. У них прямо на озере обострилось влечение друг к другу, и они стали создавать брызги. Мама с берега замахала рукой, показывая направление движения отсюда. Три мальчика в спасательных жилетах вежливо отказались. Потом мы услышали русскую речь. «Смирись, понимаешь. Смирись, гордый человек, – говорил мужчина в шапочке от солнца, на которой было написано «Я не хочу работать». – Смирись, гордый человек, – помнишь, это откуда? Важно ведь не абсолютное значение, а потенциал, разница между тем, что у тебя есть, и тем, что ты держишь за норму, счастье или, скажем, что требуется твоим разумом». Умный, значительный, наверное, человек. Такие даже в лодках редко встречаются. Его собеседник сидел к нам согнутой спиной. Подростки стали ласково сбрасывать друг друга за борт. С берега спасатель закричал им в микрофон:

«Спокойнее, гады». Проплыла пара молодых хасидов. Он был в костюме, греб. Она держала его шляпу, чтобы не замочить. Одна женщина в спортивной форме была в лодке одна. Можно так сказать? Почему? Потом мы поплыли в такое место, где с берега свисали ветки деревьев и мягко царапали. Три мальчика в красно-желтых жилетах врезались в нас и вежливо извинились. Их мама на берегу размахивала руками, переживала. «Смирись, смирись, – говорил удаляющийся от нас человек. – Потенциал». Его собеседник сидел тихо, с согнутой спиной; получалось, будто тот, в шапочке, все это мне говорил. Хорошо, четко слышны голоса – отражаются, что ли, от воды, от мостов. Мы как раз под мостом оказались, проверили. «Э-э-э, – сказали мы для проверки, – а-а-а. У-у-у». Нам ответили.

Отдых со знаменитостями

Довольно давно уже мы видели единственную в мире оранжевую корову номер восемьдесят четыре. К ее уху была приколота бирка с цифрами, но корове не было больно. Она смотрела на нас внимательно, так же, как мы на нее – может быть, она искала, где у нас номер, но у нас не было номера. У нас зато было яблоко. Корова аккуратно взяла это яблоко ртом, но уронила, и у нее потекла слюна. Номер 84 нагнулась и доела. Номер 84 – это официально, а для друзей она – корова Нюра, решили мы. С другой стороны изгороди, которая отделяет Нюру от остального мира, прошли пешие с лошадьми. Корова, не задумываясь, побежала к ним, смешно отбрасывая в стороны задние ноги, а когда лошади прошли, смотрела им вслед и доброжелательно задумчиво мычала. Но хватит пока о коровах. Мы видели известного Larry H., того самого, с одиннадцатого канала. Мы все вместе жарили на шампурах зефир и пели песню про разных животных и насекомых, которые с каждым куплетом бесконечно прибавлялись, и я пел тоже, но, правда, тихо – потому что не умею, однако Larry услышал и перешел на другую сторону костра. Было темно и красиво. Но вернемся к нашим коровам. Нюра (номер 84) живет отдельно, а на громадном холодном

поле неподалеку – все остальные. Оказывается, на ужин коров загоняют так: им кричат «Эй, коровы! Эй, коровы! (Heu, cows!)», открывают калитку и машут руками. Самые голодные или дальновзоркие коровы, увидев рассыпанный ровной линией вдоль забора питательный корм, идут первыми, а некоторые не доходят и как бы толпятся в дверях. Тогда им говорят теплые слова и подталкивают внутрь дружескими жестами. Когда мы уходили от коров, ветер вдруг стал изгибаться дугой. Незаметно, будто из-за угла, вышел и пошел дождь – хотя какой тут угол? Нет на поле никаких углов. Larry с женой и детьми к коровам не ходил. Наверное, боялся папарацци. Зря – откуда бы они там взялись? Место глухое. Вечером в зал приходил фокусник и заколол свою жену электрическими свечами. Старый фокус, и они немолодые, их тоже жалко. Особенно когда он победно поднимает руки вверх, будто летит под куполом переполненного цирка без страховки, а ведь старый фокус, глухое место.

Лето кончается

Из соседнего дома приходил мальчик, внимательно и осторожно смотрел на окружающих, а потом говорил: «А я уже давно». В бассейн падали мухи, жуки, лепестки цветков, насекомые, вообще живность всякая, мелкие коряги и другие дары лета. Хозяйка вытаскивала их длинным сачком и ворчала. Напротив ее дома – кладбище; там есть могилка и с ее именем-фамилией, с ее годом рождения и с тире. Она точно знает, что произойдет После. С кладбищем граничит ферма. Есть административное строение. Внутри крокодил, змея, экспонат-трактор начала прошлого века и холодильник с напитками. Снаружи можно кормить животных: осла Валтера, овец Ташу и Бэна, молочного поросенка Ипполита – если я не перепутал его имя. Хасиды кормят всех, кроме Ипполита. Зато они и не съедят его никогда. Ночи холодные – на забытом для сушки полотенце выпадает роса. Предсентябрье – и спор с я-уже-давно мальчиком: надо ли читать книги. Мнения расходятся шире, чем это позволяет тема

спора. Да, как и предсказывало большинство обозревателей, лето кончается. Дождливая, однако не минующая Макдональд дорога, медленно растворяется в тумане гор.

Деньги – это еще не все

Бомж в брюках с бахромой от пояса и спяянным потом волосами дремлет на скамейке. Мимо проходит скромно одетая бомжиха с тележкой. Бомж ей: «Сестра, ты прекрасна». Сдаю рубашки в стирку. – Можно на сегодня? – Можно, но я напишу, что на завтра. – А на сегодня никак? – Можно. Я напишу, что на сегодня – но тогда будет готово завтра. Приемщица по-испански обсуждает сюжет сериала. Лихие, незаконные люди – то ли из Эфиопии, то ли с Нигерии – при помощи смертельных угроз получили наследство в 25 с половиной миллионов и теперь хотят пристроить их в какую-нибудь приличную маленькую страну. Они связываются с милым доверчивым профессором из-под Хельсинки. Тот задает много вопросов, вообще беспокоен – но, кажется, соглашается. – Значит, сегодня никак нельзя, по срочному тарифу? – Хорошо, я напишу, что сегодня. Но лучше заберите завтра.

Любовь и курица

Давно я о парикмахерских ничего не писал. В этот раз я пошел к югославу, который оказался гордым албанцем и сказал, что сильно отличается от югославов (их, в сущности, не бывает), – и намекнул, что отличается в лучшую сторону. Еще он сказал, что сильно влюбился и всегда думает о своей любви, каждую минуту жизни думает, – но все же профессионально добавил, это – любовь-то – не мешает ему в работе. Однако, наполовину щелкнув ножницами, парикмахер вдруг прижал к уху мобильный телефон, набрал номер своей любимой и сказал ей только три слова: «Курица с рисом и овощами», – это пять слов получилось в переводе на русский, пусть пять. Он сказал эти слова любимой

строго и медленно. Это такой ужин у него должен быть сегодня вечером. Еще он, дощелкивая, раскрыл мне тайную подноготную многих мировых правителей.

Птицы

Птиц надо изучать в дождливую ветреную погоду, час езды на школьном автобусе, и чтоб укачало еще. Цель исследователей – отпустить птиц на волю. Ястреб, со скоростью сто миль в час падающий на лесного мышонка, попадает в лобовое стекло машины (60 миль) – авария, – но водитель приносит хищника сюда, где птицу лечат. Не говоря уже об остальных нуждающихся, выпавших из гнезда, налетевших на леску, сломавших крылья. Есть которые как бы состоят из одного только красного рта, такие маленькие.

Дети вышли из школьного автобуса, задают умные вопросы. Цель – отпустить на волю. Маленьких хищников нельзя приучать к рукам. Им же не выжить потом, когда отпустят.

Пришел корреспондент ньюджерсийского радио, записывал. Желаящие могут скоро услышать передачу. Там в одном месте напряженное такое сопение. Это наше.

Нью-Йорк

